

С Л О В О

въ день празднованія 95-й годовщины отъ основанія Московской Духовной Академіи ¹⁾.

Быша гласи и молнія, и облакъ мраченъ на горѣ синайстѣй, гласъ трубный глашаше зѣло. Гора же синайская дымяшеся вся (Исх. 19, 16. 18). И глагола Господь: Азь есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене (Исх. 20, 2—3). Но и громы, и молніи оказались безсильны; не могли они удержать жестоковѣрнаго народа отъ идолопоклонства, и сѣтуеть Господь Богъ ревнитель устами пророка Своего: Два зла сотворили люди Мои: источникъ живой воды—Меня—оставили и ископаша себѣ кладенцы сокрушенны, иже не возмогутъ воды содержать (Иерем. 2, 13).

Но мы, новый Израиль, родъ христіанскій, развѣ не знаемъ, что и намъ то же самое говорить нашъ кроткій Спаситель? Онъ говоритъ безъ грома и молніи, но неужели поэтому можно и не слышать Его любящаго гласа? Никто, говорилъ Христось, не можетъ служить двумъ господамъ: ибо или одного будетъ любить, а другаго ненавидѣть. Не можете Богу служить и маммонѣ (Мѣ. 6, 24). Не знаете ли, пишетъ св. апостоль Іаковъ, братъ Господень, что дружба съ міромъ есть вражда противъ Бога? Кто хочетъ быть другомъ міру, тотъ становится врагомъ Богу. Или вы думаете, что напрасно говорить Писаніе: до ревности любить духъ, живущій въ васъ (Іак. 4, 4—5). И всѣ мы еще до святаго крещенія отреклись отъ лукаваго и сочтались единому Христу. Но многихъ-ли убѣждаетъ все это въ той непреложной истинѣ, что въ одно время можно поклоняться только одному Богу? Всѣ

¹⁾ Произнесено въ Покровской церкви при Московской Духовной Академіи 1-го октября 1909 года.

отрекались отъ лукаваго, всѣ сочетавались единому Христу. Но пройдите вы по стогнамъ міра христіанскаго и посмотрите, единому-ли Богу люди поклоняются. Всякій любящій Бога не долженъ-ли нынѣ, подобно великому апостолу Павлу, возмутиться духомъ, видя, что жизнь современныхъ христіанъ полна идоловъ, какъ языческія Аѳины временъ святаго Апостола (Дѣян. 17, 16)?

Жизнь полна идоловъ; на каждомъ шагу встрѣчаемъ теперь и идоловъ, и идолопоклонниковъ. Правда, вы не увидите идоловъ каменныхъ, золотыхъ и серебряныхъ. Грубаго идолопоклонства въ нашъ просвѣщенный вѣкъ и странно было бы искать. Но идолопоклонство тонкое, часто бессознательное, прикрывающееся именемъ служенія истинному Богу,—такое даже болѣе опасное идолопоклонство снова грязной волной разлилось по лицу земли. Проявленія этого идолопоклонства весьма различны, но всѣ они равно печальны и горестны для міра христіанскаго.

Апостоль Павелъ въ посланіи къ римлянамъ говоритъ о древнемъ идолопоклонствѣ. Язычники, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ, и омрачилось несмысленное ихъ сердце (Рим. 1, 21). Язычники имѣли знаніе о Богѣ, но знаніе это не затрогивало ихъ жизни; въ жизни своей они не славили и не благодарили познавшаго умомъ Бога. Жизнь не руководилась богопознаніемъ; произошелъ разрывъ между вѣрой и жизнью. Не то же-ли самое слѣдуетъ буквально сказать и о нашемъ времени? Какъ рѣдко встрѣчаются нынѣ люди, живущіе только для Бога и Богомъ! Многіе-ли могутъ въ наши дни искренно повторить эти великія слова великаго Апостола: ужъ не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ (Гал. 2, 20)? Теперь то именно и не прославляется Богъ жизнью христіанъ. Спросите нашего современника, чѣмъ онъ живетъ, ради чего живетъ? Что самое главное у него въ жизни? Вамъ укажутъ семью, должность, общественную дѣятельность, торговлю; немногіе—науку, а нѣкоторые назовутъ удовольствія, личное благополучіе. Но скажетъ-ли кто, что для него самое главное въ жизни—Богъ, Церковь, спасеніе души, жизнь вѣчная? Нѣтъ, обо всемъ этомъ, единомъ на потребу, почти никто не вспомнитъ. Христосъ совершенно удаленъ изъ человѣческой жизни, хотя

многіе и не рѣшаются гнать Его открыто. Людямъ какъ-бы жалко бросить Христа совершенно, но они и не любятъ Его настолькоъ, чтобы ради Него отказаться отъ всѣхъ другихъ боговъ. И вотъ, приложены всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить всѣхъ идоловъ міра, чтобы вмѣстѣ поклоняться Христу и Веліару. Жизнь свою подѣлили люди между многими богами. Самая большая часть жизни отдается на сердечное служеніе всевозможнымъ идоламъ, и только самая ничтожная ея часть удѣляется на спѣшное и торопливое поклоненіе истинному Богу. Представьте себѣ большой домъ занятаго человѣка. Въ этомъ домѣ громадныя конторы, кабинеты. Въ нихъ проводитъ хозяинъ почти цѣлые дни. Но гдѣ-то въ углу дома маленькая комнатка съ иконами. Рѣдко, рѣдко торопливо заглянетъ туда хозяинъ, но тотчасъ выбѣгаетъ оттуда и спѣшитъ къ своимъ „дѣламъ“. Такъ построена вся жизнь современнаго христіанина. Онъ совершенно осуетился. Цѣлый день онъ занятъ, изо дня въ день его время поглощено все безъ остатка. Очень рѣдко, разъ въ недѣлю, въ мѣсяцъ, даже въ годъ заглянетъ онъ въ Божій храмъ. Его тамъ ничто не занимаетъ, и онъ спѣшитъ къ своимъ „дѣламъ“.

Что такое въ наши дни жизнь во Христвѣ? Да и кто говоритъ теперь о такой жизни? Теперь можно слышать рѣчь лишь объ „удовлетвореніи религіозныхъ потребностей“ или объ „отправленіи религіозныхъ обязанностей“, при чемъ и потребностей, и обязанностей этихъ оказывается удивительно мало, сравнительно со всякими другими потребностями и обязанностями. „Удовлетвореніе религіозныхъ потребностей“... „Отправленіе религіозныхъ обязанностей“... Скажите, какъ иначе можно назвать эти слова, какъ не богохульствомъ? Развѣ не ясно, развѣ не понятно, какое ужасное отступленіе отъ Бога скрывается подъ ними? Вѣра христіанская не можетъ занимать лишь ничтожный уголокъ въ жизни человѣческой; нѣтъ, она можетъ быть только самою жизнью. Приведите вы себѣ на память всѣхъ святыхъ угодниковъ Божіихъ. Возможны-ли, мыслимы-ли подобныя слова въ ихъ святыхъ устахъ? Развѣ для нихъ вся жизнь не была однимъ хожденіемъ предъ Богомъ (Быт. 5, 24; 6, 9)? Говорятъ о томъ, что вѣра Христова вовсе не вліяетъ на жизнь людей. Да она и не можетъ вліять, потому что ей не дадутъ мѣста въ

жизни. Вѣдь наполняла же Христова вѣра радостью неизреченной, блаженствомъ и миромъ сердца святыхъ угодниковъ Божиихъ, которые жили для одного Бога. Всѣмъ, кто служитъ единому Богу, духъ, живущій въ нихъ, большую даетъ благодать (Іак. 4, 6), предъ которой жалки и ничтожны всѣ призрачные міра дары. Кто всего себя отдалъ Богу, тотъ пріобрѣтаетъ вѣчное сокровище, котораго ни моль, ни ржа не истребляютъ, котораго воры не крадутъ (Мѣ. 6, 20), которое и за гробомъ остается. А нашъ современникъ, ревностно служащій идоламъ земнымъ, съ утра до ночи мудрствующій о земномъ, забывшій о горнемъ,—что онъ пріобрѣтаетъ? Что даютъ ему его идолы? Что онъ имѣетъ? Правда, вѣшняя его жизнь можетъ поразить легкомысленнаго цѣнителя своимъ богатствомъ, удобствами, вѣшнымъ блескомъ. Но какое внутреннее убожество души скрывается подо всѣмъ этимъ вѣшнымъ, временнымъ и мимолетнымъ блескомъ! Какъ мрачна и смятенна душа нашего современника! И это не я говорю, жемая оуждать идолопоклонническую жизнь міра. Нѣтъ, писатели, Богу и св. Церкви враждебные, и тѣ—прочтите!—какими до ужаса мрачными красками изображаютъ они „дни нашей жизни“. А лучшіе писатели, не говорить-ли они о мірѣ, что

о жизни искренней,
о цѣли высренней
тамъ мысль смѣшна?

Съ гордостью часто говоритъ нашъ современникъ: богатъ есмь и обогатихся и ни въ чемъ не имѣю нужды; но не знаетъ онъ того, что онъ несчастенъ и жалокъ, и нищъ, и слѣпецъ, и нагъ (Апок. 3, 17). И все это потому, что вѣра Христова перестала быть жизнью, что не единому Богу поклоняются люди, а натворили себѣ неисчетное множество кумировъ, кумировъ бездушныхъ, которые не могутъ одухотворить жизни и сдѣлать ее содержательной.

Идолы все больше и больше вытѣсняють Христа изъ жизни людской. Все, касающееся вѣры, болѣе и болѣе становится въ наши дни „частнымъ дѣломъ“, даже такимъ, которое постоянно нужно прятать въ самой сокровенной „клѣткѣ“, которому нѣтъ и быть не должно никакого мѣста въ жизни. Въ наши дни христіанство проявляется только какъ личное потаенное благочестіе, но совсѣмъ оскудѣла хри-

стіанская жизнь. Христіанская жизнь возможна только въ Церкви; только Церковь живетъ Христовой жизнью. Церковь, это—то святое общество, въ которомъ земля до неба возвышается, гдѣ люди настолько объединяются въ любви и единомысліи, что бываетъ у нихъ одно сердце и одна душа (Дѣян. 4, 32). Все тѣло Церкви, посредствомъ всякихъ взаимно скрѣпляющихъ связей, при дѣйствіи въ свою мѣру каждаго члена, получаетъ приращеніе для созиданія самого себя въ любви (Еф. 4, 16), доколѣ всѣ придемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полного возраста Христова (Еф. 4, 13), и будетъ во всемъ Христось (Кол. 3, 11; 1 Кор. 15, 28). Вотъ истинная Христова жизнь! Но причастіе церковной Христовой жизни доступно только любящему сердцу, которое способно на отверженіе грѣховнаго себялюбія, которому дорогъ единый Богъ любви и противны холодныя, бездушныя идола мѣра. Служеніе же идоламъ всегда связано съ себялюбіемъ, и потому для бѣднаго любовію сердца нашихъ современниковъ непонятна и недоступна вся глубокая содержательность, радость и красота церковной жизни. Наше общество готово поэтому всю церковную жизнь предоставить только однимъ монахамъ и священникамъ; для себя же жизнь по уставамъ церковнымъ считаетъ вовсе не обязательной. Завѣты Христовы, жизнь христіанская, по мнѣнію нашего общества, обязательны и нужны однимъ монахамъ да, пожалуй, иногда священникамъ, а мірянамъ все можно, все хорошо и похвально. Богослуженіе должны посѣщать монахи, а міряне могутъ для себя замѣнить его ночными и всенощными бдѣніями въ увеселительныхъ заведеніяхъ. Братолюбіе тоже не для мірянъ; для нихъ достаточно вѣжливости. Общество предпочитаетъ идти на торжище скучнаго мѣра, мечется тамъ въ потемкахъ отъ одного блуждающаго огонька къ другому, гибнетъ духовнымъ голодомъ, питается отъ рожецъ, приличныхъ лишь свиньямъ, и не хочетъ избыточествовать хлѣбы въ дому небснаго Отца, который есть святая Церковь православная. А если и говорятъ нѣкоторые объ участіи въ жизни церковной, то подъ этой жизнью разумѣютъ не созиданіе тѣла Христова въ общемъ братолюбіи и духовныхъ подвигахъ; нѣтъ, подъ жизнью Христовой Церкви разумѣютъ веденіе хозяйства, завѣдываніе столами торжниковъ

(Мѣ. 21, 12) да борьбу за какія то права. И на мѣстѣ святѣ хотятъ поставить свой бездушный мірской кумирь!

Въ отношеніяхъ къ Церкви больше всего проявляется современное идолопоклонство. Многіе ожесточились, злословя единственный путь Христовъ (Дѣян. 19, 9), путь церковный. Создаются „новые пути“ съ именемъ Христовымъ, но безъ Церкви, „около стѣнъ церковныхъ“. Эти „новые пути“ оказываются очень удобными именно для того, чтобы сохранить имя Христово, а кланяться своимъ любезнымъ идоламъ. Потому и привлекательны всѣ эти „новые пути“. Они легки и потворствуютъ страстямъ. Отъ дѣйствительной Христовой вѣры, содержащейся въ св. Церкви, на этихъ путяхъ остаются только иногда благочестивыя, а чаще уродливыя мечты, не имѣющія никакого отношенія къ жизни. Церковь преподаетъ людямъ полное Христово ученіе. Ученіе это оказывается мало снисходительнымъ для страстей, для себялюбія челоуѣческаго. А на „новыхъ путяхъ“ можно выбрать изъ ученія Христова только то, что понравится что не помѣшаетъ поклоняться идоламъ. Повторяется вѣчно одно и то же печальное событіе, такъ ярко описанное въ книгѣ дѣяній апостольскихъ. Вельможа Феликсъ слушаетъ св. апостола Павла, пока тотъ проповѣдуетъ о вѣрѣ во Христа Іисуса, но когда Апостолъ начинаетъ говорить о воздержаніи и о будущемъ судѣ, вельможа приходитъ въ ужасъ и говорить: теперь пойди, а когда найду время, позову тебя (Дѣян. 25, 24—25). Развѣ не буквально повторяется это обычное, но прискорбное событіе въ наши дни? Теперь тоже многіе готовы принять ни къ чему не обязывающее „чистое“, „евангельское“, „свободное“ христіанство но съ ожесточеніемъ отвергають св. Церковь, потому что она то и говоритъ о воздержаніи, самоотреченіи, объ изверженіи идоловъ.

Для того, чтобы на досугѣ помечтать о Христвѣ, для этого нѣтъ особенной нужды въ Церкви; можно обойтись и безъ нея. Безъ Церкви невозможна только жизнь христіанская, а ревнителѣй этой жизни находится очень мало; большинству болѣе пріятна жизнь полуязыческаая. Современное идолопоклонство и проявляется въ отрицаніи св. Церкви.

Въ этомъ тонкомъ видѣ идолопоклонство, какъ ядъ, проникло и въ церковное общество. Чѣмъ инымъ можно объ-

яснить то удивительное безразличіе въ дѣлахъ вѣры и Церкви, которое господствуетъ въ нашемъ такъ называемомъ высшемъ, образованномъ обществѣ? Многіе-ли въ наши дни чувствуютъ живую потребность сердца—принадлежать ко св. Церкви православной? Многіе-ли знаютъ сами о себѣ, принадлежать они къ Церкви или уже невидимымъ судомъ Божиимъ, какъ сухія вѣтви, давно не приносящія никакого плода духовнаго, отсѣчены отъ живаго и цвѣтущаго древа церковнаго? Да многіе даже съ недоумѣніемъ спрашиваютъ, что значитъ принадлежать къ Церкви? Думаютъ, что для принадлежности къ Церкви достаточно быть записаннымъ при крещеніи въ книгу, раза три въ годъ зайти въ храмъ, однажды въ три-четыре года приобщиться св. Таинъ. А если вы будете говорить объ обязанностяхъ всякаго принадлежащаго къ св. Церкви, вамъ съ негодованіемъ отвѣтятъ: „да развѣ мы монахи? По вашему христіанство только въ монашествѣ? Нужно только Богу молиться? Отъ жизни съ ея радостями нужно отказаться? У васъ слишкомъ узкое понятіе о христіанствѣ. Христіанство—религія свободы“... и прочіе безумные глаголы. Для достиженія земныхъ цѣлей существуетъ много различныхъ обществъ, и всѣ прекрасно понимаютъ, что значитъ принадлежать къ такимъ обществамъ. Человѣкъ, принадлежащій къ какому-нибудь изъ этихъ обществъ, принимаетъ самое близкое участіе въ жизни этого общества, живетъ его жизнью. Что полезно для общества, полезнымъ считаетъ и для себя. Другъ общества—его другъ. Врагъ общества—его врагъ. Приведу можетъ быть не совсѣмъ приличный на церковномъ амвонѣ, но для многихъ болѣе понятный примѣръ. За послѣдніе годы и у насъ на Руси образовалось множество политическихъ партій. И смотрите, какъ ревниво членъ партіи оберегаетъ интересы своей именно партіи, какъ твердо знаетъ онъ, чѣмъ отличается его партія отъ другихъ. Пусть какой-нибудь социалистъ начнетъ распространять мысли монархическія,—его тотчасъ отлучать отъ партіи, порвутъ съ нимъ всякія сношенія. Но Церковь? Ея жизнь насъ не касается; она намъ нисколько не дорога; мы привыкли безъ нея обходиться. Вопросы вѣры, вопросы спасенія души мало кого занимаютъ. Православіе и ересь, истина и заблужденіе мало стали различаться между со-

бою. Многіе избѣгаютъ говорить о православіи и еретическихъ западныхъ исповѣданіяхъ—католичествомъ и лютеранствомъ,—а говорятъ только о какомъ-то общемъ христіанствѣ. Сочувствовать еретику, стать и стоять на сторонѣ врага Христовой Церкви—развѣ считается теперь это позорнымъ и пагубнымъ преступленіемъ, раздираніемъ нешвенаго хитона Христова? Да считается-ли все это хоть только предосудительнымъ? Напротивъ, легкомысленное отрицаніе церковнаго ученія, уставовъ церковныхъ, глумленіе надъ ними, противленіе власти церковной—не стало-ли все это признакомъ хорошаго тона? А полная преданность св. вѣрѣ православной и св. Церкви Христовой, жизнь по ея св. уставамъ, непрекословное повиновеніе власти церковной не за гнѣвъ, а за совѣсть—все это развѣ не явные признаки отсталости, которой такъ суевѣрно боятся наши современники? Увы! къ несчастію и скорби нашей, все это такъ. Еретики, пользуясь беспросвѣтнымъ невѣжествомъ общества въ вопросахъ вѣры и благочестія, прикрываясь громкими, но совершенно пустыми словами, проповѣдуютъ самыя невозможныя, самыя бессмысленныя и отвратительныя ученія, а сыны Церкви, нисколько не задумываясь, еретическую ложь поставляютъ выше православной истины. Отлученнаго отъ Церкви за богохульныя ереси открыто именуютъ великимъ учителемъ, устраиваютъ въ честь его празднества, ѣздятъ къ нему на поклонъ. Мало того, осмѣливаются еще поносить стражей Христова стада за то, что они волковъ отгоняютъ отъ вѣранныхъ имъ Богомъ овецъ. Враги Церкви осыпаютъ достояніе Божіе неисчетными хулами, отъ которыхъ въ ужасъ приходитъ душа, любящая Бога и св. Церковь. Объявлена беспощадная война всему дѣлу Христову; для достиженія богопротивныхъ цѣлей не отказываются отъ самыхъ постыдныхъ и низкихъ средствъ. Что-же сыны Церкви? Даютъ они отпоръ врагамъ Христовымъ? Отвращаются они съ негодованіемъ и скорбью отъ безумныхъ дѣлъ и рѣчей? Начинаютъ они еще больше любить поносимаго Христа и Его св. Церковь? О, нѣтъ! Они готовы даже рукоплескать врагамъ Христовымъ и излиха вопіютъ: распни Его! Можно сказать даже больше. Замѣчается какая-то озлобленность противъ своей Церкви. Всѣ какъ будто довольны тѣмъ, что враги такъ безсовѣстно поносятъ св. Церковь православную.

Всѣ какъ будто втайнѣ съ нетерпѣніемъ ждутъ, не погибнетъ-ли православная Церковь, и останутся тогда они на свободѣ отъ Бога, отъ звона церковнаго, съ одними своими любезными идолами. Снова можно уловить, правда, чаще прикрываемый громкими словами, вопль: сойдите съ дороги, уклонитесь отъ путей, устраните отъ очей нашихъ святаго Израилева, какъ кричали пѣкогда людіе непокорившіи, сынове лживіи, иже не похотѣша слышати закона Божія (Иса. 30, 9. 11). Иначе чѣмъ объяснить, что сыны Церкви такъ спѣшаютъ со своимъ сочувствіемъ всему противощерковному. У недобрыхъ людей бываетъ, что, когда слышатъ они что-либо дурное о своихъ врагахъ, то спѣшаютъ скорѣе всему этому повѣрить, боясь, какъ-бы это дурное не оказалось неправдой. То-же самое не видимъ-ли мы и въ отношеніяхъ къ Церкви? Сыны противленія (Еф. 2, 2) изобрѣтаютъ всевозможную неправду на Церковь Божию, на святаго обители иноческія, на іереевъ и архіереевъ Божіихъ, наполняютъ этой неправдой свои газеты и книжки. Неправда ясна и прозрачна, какъ день, а сыны Церкви, закрывая глаза на все, спѣшаютъ вѣрить завѣдомой лжи.

Такое противленіе Церкви даже повидимому принадлежащихъ къ ней въ основѣ своей имѣетъ то же идолопоклонство. Отъ того и противленіе Церкви, что не хотятъ служить люди единому Богу. Если-бы служили единому Богу, то ни о какомъ противленіи Церкви, даже о безразличіи въ дѣлахъ вѣры не было бы и помина. Но въ нашъ идолопоклонническій вѣкъ противленіе Церкви достигло громаднхъ размѣровъ и составляетъ величайшее несчастіе нашего времени. Отъ того, говоритъ св. священномученикъ Кипріанъ, и всѣ ереси и расколы, что все не церковное, даже враждебное Церкви находитъ поддержку и одобреніе въ нѣдрахъ самой Церкви (Письмо къ Помпею).

О, братіе! Да не впадетъ никто изъ насъ въ ту же притчу противленія (Евр. 4, 11). Грядетъ гнѣвъ Божій на сыны противленія (Кол. 3, 6; Еф. 5, 6). Страшна ярость огня, поясти хотящаго сопротивныя (Евр. 10, 27). Не мои это слова, не мои преценія, а св. апостола Павла. И пророкъ говоритъ: Господь есть Богъ ревнитель и не пощадитъ противниковъ Своихъ (Наум. 1, 2). Но когда видишь печальный разбродъ церковнаго общества ради служенія богамъ ивымъ, хочется

изъ глубины скорбнаго сердца воскликнуть: блесни молнія, загремите громы, раздайся снова по всей землѣ Господень гласъ: Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене! Удалите изъ среды себя чужихъ боговъ (1 Цар. 7, 3; 4 Цар. 17, 35; 37, 38) и не воспоминайте имени ихъ (Нав. 23, 7)!

Но въ нынѣшній день праздника нашего пусть гласъ Господень прежде всего и громче всего раздастся для насъ, братья мои, родные сыны одной духовной матери-кормилицы—Московской Духовной Академіи. Развѣ не слышимъ мы, какъ особенно звучитъ для насъ первое слово синайскаго Десятословія? Развѣ трудно узнать тѣ размышленія, на которыя наводитъ оно насъ? Прежде всего оно заставляетъ насъ подумать о нашемъ настоящемъ. Благодареніе Господу Богу, мы въ школѣ духовной. Самая наука наша не обращаетъ взоровъ нашихъ долу и только долу; нѣтъ, она проповѣдуетъ о горнемъ, зоветъ горѣ. Вѣдь въ наше время очень много наукъ, которыя наполняютъ людей множествомъ знаній, но о всѣхъ этихъ знаніяхъ всегда можно спросить: нужны-ли они для спасенія души и для жизни вѣчной? А если не нужны, то какая въ нихъ польза? Правда, эти знанія даютъ много житейскихъ удобствъ; безъ нихъ мы и прожить теперь не можемъ. Намъ нужны желѣзныя дороги, пароходы, телеграфы и телефоны, электрической свѣтъ и многое другое. Все это такъ. Говорить противъ всего этого значить,—быть смѣшнымъ. Но сужденіе съ точки зрѣнія житейской пользы не есть высшее для человѣка, особенно для христіанина, ибо онъ слышитъ слово Христово: какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою погубитъ (Лк. 9, 25)? Мы всѣ вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ (2 Кор. 5, 7), не наукой. Наука сама по себѣ еще не есть жизнь; въ вопросахъ жизни и смерти наука служить и можетъ только служить Христу или антихристу. Вся бѣда нашего времени въ томъ, что гордая полунаука, — настоящая наука всегда смиренна,—берется не за свое дѣло, хочетъ учить людей жить. Вѣдь изъ истинъ естествонаучныхъ, математическихъ и техническихъ ровно ничего нельзя получить для рѣшенія вопросовъ спасенія и гибели. Есть Богъ или Его нѣтъ, будетъ-ли жизнь вѣчная или нѣтъ—отвѣта на эти вопросы не найдешь, если будешь изучать звѣзды,

деревья и травы, камни и металлы. Не найдешь ихъ, если будешь изучать и судьбы народовъ, ихъ войны, торговлю, общественную жизнь. Когда же наука начинаетъ все же обсуждать подобные вопросы, то, взирая только долу, она легко и скоро начинаетъ служить антихристу. Она, какъ древній челоуѣкоубійца, коварно внушаетъ людямъ: отверзутся очи ваши, и будете, какъ боги, знающіе доброе и лукавое (Быт. 3, 5). И не напрасно св. ап. Іаковъ такую мудрость называетъ земной, душевной, бѣсовскою (Іак. 3, 15). Эта бѣсовская мудрость перѣдко въ наши дни все дѣло спасенія нашего объявляетъ юродствомъ. Не ведетъ такая мудрость ко спасенію, а вѣчная жизнь ей совсѣмъ незнакома: она знаетъ одну только могилу, глухо, недовольно и мрачно ропщетъ предъ гробомъ. Но кто можетъ о нашей наукѣ сказать, что она по существу своему не нужна для спасенія души и жизни вѣчной? Изучать св. Писанія, духоносныя творенія св. отецъ, узнавать жизнь и подвиги угодниковъ Божиихъ, изслѣдовать дивныя судьбы Христовой Церкви — неужели можно сравнивать все это съ постройкой фабричныхъ трубъ, съ изученіемъ писаній грѣховныхъ, со всѣмъ вообще строительствомъ современной башни Вавилонской? Конечно, вѣтъ! И въ наше время, когда такъ умножается земная мудрость, особенно велика нужда въ мудрости небесной, божественной. Истина, свыше сходящая (Іак. 3, 17), нужна людямъ; безъ нея они прожить не могутъ, сколько бы ни зарывались въ суету земную. Вся земля истину призываетъ, и небо оную благословляетъ, и вся дѣла трясутся и трепещутъ ея (2 Ездр. 4, 36). Со всѣхъ сторонъ и въ наши дни идутъ безчисленные запросы на ту именно мудрость, которой посвящена наша Академія. На поприщѣ земной мудрости избытокъ работниковъ, но ихъ мало, ихъ очень мало на благодатной нивѣ богословской науки. А потому служеніе богословской наукѣ и обогащеніе себя ея вѣчными и нетлѣнными сокровищами — вотъ наше призваніе въ настоящемъ! Вотъ чему единому должны мы служить, чему поклоняться, не преклоняя въ то же время колѣны предъ Вааломъ знанія чуждаго и мало-спасительнаго!

Но св. Апостоль предупреждаетъ насъ отъ обольщенія. Мудръ-ли, говоритъ онъ, и разуменъ кто въ васъ? докажи это на самомъ дѣлѣ добрымъ поведеніемъ съ мудрою кро-

тостью. Но если въ вашемъ сердцѣ вы имѣете горькую зависть и сварливость, то не хвалитесь и не лгите на истину (Лак. 3, 13—14). Замѣчали-ли вы, что въ словѣ Божіемъ и въ писаніяхъ святоотеческихъ истина всегда оцѣнивается по тому, хороша она или нѣтъ, полезна она для спасенія или вредна? Истина оцѣнивается не по теоретическимъ или логическимъ соображеніямъ, а по соображеніямъ нравственнымъ. Такъ и здѣсь св. Апостолъ даетъ намъ возможность думать и говорить, что даже и занятіе богословіемъ еще не есть служеніе единому Богу; можно быть и богословомъ, и все же поклоняться богамъ инымъ, служить идоламъ бездушнымъ. Недостатокъ преданности единому Богу, вмѣстѣ съ желаніемъ соединить поклоненіе Богу и идоламъ, создали въ наше время преимущественно у западныхъ еретиковъ взглядъ на богословіе, какъ на одно только внѣшнее знаніе. Что такое богословіе? Оно для многихъ есть только знаніе богословскихъ истинъ, но не знаніе Бога. Знаніе же Бога есть наука опытная. Только чистые сердцемъ Бога узрятъ, и потому истинное богословіе должно быть благочестіемъ и только тогда принесетъ оно плодъ по роду своему. Богословіе же безъ благочестія, это—одно изъ чахлахъ и блѣдныхъ порожденій нашего идолопоклонническаго вѣка, не желающаго поклоняться единому Богу. Такого богословія не знали и не знаютъ духовосные богословы. Св. Исаакъ Сиріанинъ уподобляетъ такое богословіе рѣчамъ блудницы о цѣломудрїи и считаетъ его столь же мало полезнымъ, какъ если-бы кто вздумалъ поджигать сырыя дрова. Да и тѣ немногіе люди, которые искренно ищутъ Бога, тоскуютъ душою по Немъ, которые просятъ у богослововъ истины небесной,—они отвращаются отъ такого богословія и говорятъ: „мы гладомъ духовнымъ гибнемъ,—зачѣмъ же вы даете намъ камень вмѣсто хлѣба“? А какъ недолговѣчны всѣ произведенія этого бездушнаго богословія! Они черствѣютъ, какъ ячменный хлѣбъ (Суд. 5, 8), и ихъ никто не хочетъ знать. Писанія же духовосныхъ богослововъ живутъ тысячи лѣтъ; ихъ съ любовью читаютъ добрые люди и по нимъ спасаютъ душу свою. Нашимъ призваніемъ и должно быть богословіе живое и дѣйственное, проникающее до раздѣленія души и духа (Евр. 4, 12), богословіе спасительное. Такое богословіе не можетъ быть скучнымъ, безжизненнымъ, безсодержательнымъ,

потому что оно есть самое высшее проявленіе жизни, внутреннее возрастаніе христіанской души, пока не изобразится въ ней Христосъ (Гал. 4, 19).

Къ счастью нашему, мы имѣемъ здѣсь всѣ лучшія пособія для занятій именно такимъ богословіемъ. Здѣсь у насъ русская православная святыня, гдѣ, какъ чистый пламень свѣчи, цѣлыя столѣтія горятъ вѣрующія души огнемъ священнаго вдохновенія и согрѣваются теплотой сердечнаго умиленія. Посмотрите со виѣ и на нашу дорогую Академію! Много можно поучительнаго найти здѣсь для души, преданной любомудрію. Обращали-ли вы вниманіе на то, что въ срединѣ всѣхъ зданій Божій храмъ стоитъ? И не напоминаютъ-ли всѣ эти зданія тѣхъ строеній близъ Іерусалимскаго храма, гдѣ воспитывалась небесная Покровительница нашего храма, простирающая свой честный омофоръ и на всю Академію? А все сіе не проповѣдуетъ-ли той непреложной истины, что подлинное христіанское православное богословіе должно стоять въ самой тѣсной и неразрывной связи съ церковной жизнью? Царица Небесная, сама при храмѣ воспитавшаяся, да поможетъ и намъ воспитаться Господу (см. стихирю на Введеніе) при храмѣ ея имени посвященномъ!

Пора бы ввести слово въ пристань молчанія, но какъ не бросить взора на будущее? Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене! Неужели можно послѣ этого идти на сторону далече, инымъ богамъ поклоняться, инымъ богамъ служить, инымъ богамъ отдать жизнь свою! Оставить Бога и св. Церковь православную въ то время, когда такая великая нужда въ дѣлателяхъ на нивѣ Христовой!

На нашу русскую равнину налетѣли со всѣхъ сторонъ безводныя облака, носимыя вѣтромъ, которымъ блюдется мракъ тьмы на вѣкъ (Іуд. 12, 13). Уста ихъ произносятъ надутыя слова. Это—ропотники, ничѣмъ недовольные, поступающіе по своимъ похотямъ (Іуд. 16). Лукавый супостатъ нашъ въ образѣ лихихъ людей, какъ рыкающій левъ, ходитъ, ища, кого поглотить (1 Петр. 5, 8). Врата адовы собрали всѣ свои силы и устремились на св. Церковь Христову. Указывать-ли этихъ враговъ Церкви? Но кто ихъ не знаетъ? Ихъ не видитъ только слѣпой. Вѣримъ, непоколе-

бимо вѣримъ,—никакимъ вѣтрамъ, никакимъ бурямъ не по-
топить корабля Иисусова! Не одолѣть адовымъ вратамъ Хри-
стовой Церкви! Истина велика и сильнѣе всего, она пребы-
ваетъ и возмoгаетъ во вѣкъ (2 Ездр. 4, 35. 38). Легче солнце
погасить, нежели Церковь погубить, какъ говоритъ св. Зла-
тоустъ. Не страшимся за св. Церковь! Но посмотрите, какъ
расхищается достояніе Божіе! Сколько добрыхъ людей въ
путь Каиновъ поидоша, и въ леств Валаамовы мзды устре-
мишася, и въ упорствѣ погибають, какъ Корей (Иуд. 11. Срви.
Быт. 4, 7; Числ. 22, 22; 16, 31). Неужели можно со спо-
койной совѣстью заниматься куплями житейскими (2 Тим.
2, 4), когда родную мать—св. Церковь—терзають, ея род-
ныхъ дѣтей похищаютъ? Въ лицѣ Церкви снова Христось
возносится на крестъ, снова безумно ругають Ему и по-
носятъ Его. И кто способенъ пройти мимо, покивая главою?
Какую совѣсть нужно имѣть для того, чтобы не облегчить
тяжелаго креста Христова, подобно Симону Киринейскому?
Всякій, кто получилъ церковное образованіе, кому Богъ
далъ силы, знанія, кто любить Бога, кого Христось избралъ
на Свое служеніе, какъ можетъ онъ не стать на защиту
своего Спасителя? Какъ можетъ онъ не охранять достояніе
Божіе отъ хищныхъ волковъ? Это великое и благое дѣло.
Если кто изъ васъ, пишетъ Апостоль, уклонится отъ истины,
и обратитъ кто его, пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣш-
ника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ смерти и по-
кроетъ множество грѣховъ (Іак. 5, 19—20). И какъ прискорбно
становится, когда слышишь, что начаша вкупѣ отрицатися
вси (Лк. 14, 18). Кругомъ братья по вѣрѣ погибають, а зна-
ные говорятъ: „это не мое дѣло: пусть служить имъ, кто
хочетъ, а я... я село купихъ, жену пояхъ,—имѣй мя отрече-
на“ (Лк. 14, 18. 20). Но кровь брата твоего, кровь всѣхъ,
по нерадѣнію твоему въ удаленіи отъ Церкви отъ мыслен-
наго волка звѣроуловленныхъ, вопіеть отъ земли къ Богу
(Быт. 4, 10). Тебѣ даны силы, даны знанія, а ты не захо-
тѣлъ отдать ихъ на служеніе Богу и св. Церкви? Семидалъ
и медъ, и масло ялъ еси, но позорно измѣнилъ Богу (Іезек.
16, 13; чит. до конца главы)?

Говоришь о слабости, о недостойнствѣ? Да, мы знаемъ,
что Моисей отрекался (Иск. 3, 11—4, 17), Іона бѣжалъ въ

Фарсисъ, страшились Григоріи и Златоусты, по смиренію преп. Сергіи отрекался. Но ты-то, такъ ревниво оберегающій свое мелочное самолюбіе въ другое время, ты-то искренно говоришь о своемъ недостоинствѣ? Не желаешь-ли ты подъ предлогомъ смиренія предаться безпечности, какъ говоритъ св. Златоустъ, и твои слова смиренія не пустая-ли только отговорка, которой ты думаешь успокоить и себя, и другихъ? Словами смиренія не готовишь-ли ты только покойную постель, на которой могъ-бы безмятежнымъ сномъ почить твой дремлющій духъ? Лицемерное малодушіе не скрываетъ-ли подъ собою окаменѣваго нечувствія къ дѣлу Христову? Не потому-ли только избѣгаютъ церковнаго служенія, что славу человѣческую больше возлюбили, нежели Божію славу (Іо. 12, 43)? Будь, хоть съ самимъ собой, на минуту искреннимъ и отвѣть себѣ, братъ мой, безъ боязни, смѣло и правдиво на всѣ эти вопросы.

Надѣяться на себя только не слѣдуетъ, но отдай всѣ свои силы, способности, знанія, которыми благословилъ тебя Господь, въ руку Божію, какъ вдовица двѣ лепты, и скажи съ Апостоломъ: вся могу о укрѣпляющемъ мя Исусѣ (Филип. 4, 13)! Благо есть мужу, егда возьметъ яремъ Христовъ въ юности своей (Плачь Іереміи 3, 27). Здѣсь на землѣ, въ Церкви воинствующей, онъ злопостраждетъ, какъ добрый воинъ Христовъ (2 Тим. 2, 3), но Господь Богъ вѣнчаетъ его побѣднымъ вѣнцемъ въ Церкви, торжествующей на небесахъ, гдѣ готовится вѣнецъ правды всѣмъ возлюбившимъ Христа (2 Тим. 4, 8).

Вмѣнить въ уметы всѣхъ пустыхъ и бездушныхъ идоловъ суетнаго міра, все соромъ счесть и только единому Богу и Его св. Церкви служить—выше этого нѣтъ и быть ничего не можетъ! А кто ради земныхъ кумировъ отрекается отъ жребія Христова, тотъ знай, что скучныя, безсодержательныя и некрасивыя пѣсни земли никогда замѣнить не могли сладчайшихъ звуковъ небесъ для души боголюбивой, и на распутьяхъ міра, на кривыхъ и развращенныхъ путяхъ идолослуженія (Суд. 5, 6) не найдешь ты душѣ своей отрады.

Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бозини; развѣ Мене! Внемли, боголюбивая душа, Божію гласу!

Если не послушаешь его, мечъ ты поясть, уста-бо Господня глаголаша сія (Иса. 1, 20). Любить единого Господа Бога твоего, послушать голоса Его, всѣмъ сердцемъ къ Нему прилѣпляться—сіе есть животъ твой и долготя дней твоихъ! Жизнь и смерть предложены тебѣ, душа боголюбивая, благословеніе и проклятіе. Избери же жизнь, а не смерть (Второзак. 30, 19—20)!

Студентъ IV-го курса Владиміръ Троицкій.
